

ISSN 2313-2272

ВЕСТНИК

РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ДРУЖБЫ НАРОДОВ

СЕРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

- Социологическая теория и социальная реальность
- Из истории социальной мысли
- Варианты концептуализации и эмпирического измерения поведенческих практик в современном обществе

2014 №3

ВЕСТНИК

Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
СОЦИОЛОГИЯ

2014, № 3

Серия издается с 2001 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление с юбилеем	5
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ	
Голенкова З.Т. Славянские идеи Юрия Крижанича	7
Диас Николас Х. Социологическая теория и социальная реальность	23
Квасова И.И. Естественноисторические и социально-культурные основания самоидентификации личности	44
Осипова Е.Д. Безумие, творчество и иррациональность: постановка проблемы и ее трактовка в работах М. Фуко	54
Совенко О.С. Социологическое отражение смысловой реальности в условиях нестабильной повседневности	64
Терентьев Е.А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор	73
Ильмухин В.Н. Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации	87
Вольфсон Ю.Р. Проблема нестабильности восприятия при измерении «удовлетворенности» в потребительском поведении	99

**СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Лебедев С.Н. Концептуальные проблемы экономики интеллектуального труда	108
Рубцов Н.Н. Роль золота в обеспечении монетарной стабильности финансовой системы	121
Устинова О.В. Российская государственная демографическая политика: проблемы и перспективы управления воспроизводством населения	135

**МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ,
КЕЙС-СТАДИ**

Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда	143
Уваров С.Н., Козловский С.В. К вопросу о межэтнической ситуации в Удмуртской Республике	169
Троцук И.В., Савельева Е.А., Салех А.А. Семья, брак, любовь — равноценные или несвязанные понятия для молодых россиян?	178

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Гаспаришвили А.Т., Зотова Л.В. Общественное мнение в республиканском Риме ..	199
Амяга Н.В., Аймаутова Н.Е., Онзимба Ленюнго Ж.Б. Обратная связь в исследованиях межличностного взаимодействия	207

РЕЦЕНЗИИ

О природе фотографического изображения: <i>Сонтаг С.</i> О фотографии. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 272 с.; <i>Беньямин В.</i> Краткая история фотографии. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 144 с.; <i>Сонтаг С.</i> Смотрим на чужие страдания. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. 96 с.	216
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	228
--------------------------	-----

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

SOCIOLOGY

2014, N 3

Series founded in 2001

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

Congratulations on the anniversary	5
HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH	
Golenkova Z.T. The Slavic ideas of Yuriy Krizhanich	7
Díez Nicolás J. Sociological theory and social reality	23
Kvasova I.I. The natural-historical and socio-cultural foundations of personal self-identification	44
Osipova E.D. Madness, creativity and irrationality: the problem and its interpretation in the works of Michel Foucault	54
Sovenko O.S. Sociological reflection of semantic reality in unstable everyday life	64
Terentyev E.A. Place-(re)naming practices as an object of sociological study: an analytical overview	73
Ilmukhin V.N. Urban environment as a determinant of behavioral practices: formats of sociological conceptualization	87
Wolfson Yu.R. The problem of cognitive biases in the sociological measurement of consumers' 'satisfaction'	99

CONTEMPORARY SOCIETY:

THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Lebedev S.N. Conceptual problems of the intellectual labor economics	108
Rubtsov N.N. The role of gold in ensuring the monetary stability of financial system	121
Ustinova O.V. Russian state demographic policy: problems and prospects for population reproduction management	135

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Narbut N.P., Trotsuk I.V. Russian students' life plans: gender and other differences in the estimates of prospects in the labor market	143
Uvarov S.N., Kozlovsky S.V. On the problem of interethnic situation in the Udmurt Republic	169
Trotsuk I.V., Savelieva E.A., Saleh A.A. Family, marriage, love — equal or unrelated concepts for Russian youth?	178

SOCIOLOGICAL LECTURES

Gasparishvili A.T., Zotova L.V. Public opinion in the Roman Republic	199
Amyaga N.V., Aymautova N.E., Onzimba Leniungo Zh.B. The feedback in the studies of interpersonal interaction	207

REVIEWS

On the nature of photography: Sontag S. On Photography. — M.: OOO "Ad Marginem Press", 2013. 272 p.; Benjamin W. A Short History of Photography. — M.: OOO "Ad Marginem Press", 2013. 144 p.; Sontag S. Regarding the Pain of Others. — M.: OOO "Ad Marginem Press", 2014. 96 p.	216
--	-----

AUTHORS	228
----------------------	-----

Уважаемые коллеги! Этой статьей мы начинаем знакомство российского читателя с творчеством выдающегося испанского ученого и общественного деятеля Хуана Диаса Николаса. Имя этого социолога, автора более 30 книг и 250 статей, инициатора и руководителя более 60 общенациональных социологических исследований, профессора и руководителя ряда ведущих университетов Испании, одного из основателей (совместно с профессорами Салустияно дель Кампо и Луисом Гозалесом Сеара) Института общественного мнения — позже Центра социологических исследований, создателя Национального института образовательных наук и т.д., широко известно и пользуется глубоким уважением в европейских научных кругах. В нашем журнале с согласия автора впервые на русском языке публикуется его программная статья, получившая Национальную премию Испании в области социальных и политических наук в 2012 г., и надеемся, что за ней последуют и другие переводы на русский язык работ этого замечательного социолога.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Диас Николас Х.

Кафедра социологии II
Факультет политических наук и социологии
Мадридский университет Комплутенсе
Кампус де Сомосагуас, Пуэбло де Аларкон, Мадрид, Испания, 28223

В статье предпринимается попытка показать взаимоотношения трех сравнительно новых социологических теорий, каждая из которых объясняет особый аспект одного и того же — происхождение, распространение и изменение социальных и культурных ценностей. Автор полагает, что не существует некоей единой социологической теории, которая объясняет все, но, скорее, есть различные теории, каждая из которых описывает определенную часть социальной реальности. Учитывая взаимоотношения научной теории и научного исследования, автор обособленно рассматривает три концепции: теорию социальной экосистемы А. Холи и О. Дункана, теорию «центра—периферии» Й. Галтунга и теорию Р. Инглхарта об изменении ценностей в современных индустриальных обществах. Основываясь на данных, полученных испанскими и зарубежными исследователями, автор приводит теоретические и эмпирические свидетельства взаимодополняемости трех названных концепций. Теории социальной экосистемы и «центра-периферии» демонстрируют высокий уровень обобщений (по пространственно-временным параметрам) и столь же высокий уровень абстракции, хотя их основополагающие понятия могут быть легко операционализированы посредством валидных и надежных показателей. Теория изменения ценностей обеспечивает высокий уровень абстракции и обобщений, но ограничена во времени историческим периодом после Второй мировой войны. Теории «центра—периферии» и изменения ценностей обращаются к индивидуальным и коллективным единицам анализа, в то время как теория социальной экосистемы по определению имеет дело лишь с коллективными объектами. В совокупности данные три теории показывают, что ценности «безопасности» в современном обществе обретают все возрастающее значение.

Ключевые слова: методология социологического исследования; социальная экосистема; центр—периферия; социальные ценности; культурные ценности; безопасность; социальная структура; социальные изменения.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Знаменитый ученый Р.К. Мертон [43] утверждал, что научная теория и научное исследование всегда должны идти рука об руку, поскольку теория без исследовательской работы — чистая спекуляция, а исследование без теории — всего лишь абстрактный эмпиризм. Я всегда был согласен с М.Р. Коэном [6. С. 431] в том, что «наука требует строгого взвешивания всех свидетельств, включая исчерпывающее рассмотрение всех возможных теорий (что является истинным противоядием от любых предвзятостей и предрассудков)». Поэтому «я всегда предпочитал рассматривать объект в многочисленных ракурсах, применяя различные социологические методы. Я бы хотел подчеркнуть, что данная позиция обусловлена не желанием избежать противоречий и всем угодить. Нет, скорее, она проистекает из твердого убеждения, что сегодня нельзя говорить о «предмете» и «методе» — только о «предметах» и «методах», поскольку каждый из них неполон, но необходим и полезен для общей цели — стремления адекватно объяснить суть социальной жизни» [9. С. 12].

Причина, по которой я цитирую собственные работы из далекого прошлого (в частности, только что упомянутая статья была моим дебютом и сыграла роль «обрядов посвящения» в академическую жизнь), состоит в том, что я оставался верен своим убеждениям на протяжении всех почти пятидесяти лет моей научной карьеры — как лектора, так и ученого. Речь не идет о некоей «реконструированной логике», объясняющей всю мою научную жизнь задним числом — скорее о «реально используемой логике», которой я следовал всю мою жизнь (1). Речь идет о том, что мои исследования всегда были связаны с теорией, я применял различные теоретические подходы на разных этапах эмпирического поиска. Речь также идет о том, что стало возможно логически соотнести три независимо разработанных теоретических подхода и примирить их между собой, чтобы попытаться построить стройную теорию об отдельном сегменте социальной реальности — теорию социальных ценностей, которая подтверждена эмпирическими данными, в том числе полученными в рамках международных сравнительных исследований.

Сначала необходимо рассмотреть понятие социологической теории, поскольку некоторые часто путают ее с историей социологической мысли. Можно попытаться определить социологическую теорию через указания на то, чем она не является. Р.К. Мертон [42] утверждал, что методология, общесоциологические положения, концептуальный анализ, толкования «постфактум», а также эмпирические обобщения не являются социологической теорией, хотя ряд социологов продолжает верить, что они «создают» таким образом социологическую теорию. Впрочем, Мертон отмечал и положительный вклад теории в исследования, а исследований — в теорию [43].

Вопрос о взаимоотношениях теории и исследований с необходимостью порождает вопрос о роли ученых и работников умственного труда, т.е. тех, кто проводит теоретические и эмпирические изыскания [10]. Один из ученых, кто больше всех писал о роли социологов, — Ч.Р. Миллс — различает три типа обучения и четыре типа преподавателей. Говоря о стилях обучения, он в основном противоп-

ставляет Чикагский и Колумбийский университеты: он критикует первый за многое, но прежде всего за то, что его социологи сосредоточены на преподавательской, а не на научной работе, а также за то, что его научные сотрудники на протяжении всей своей жизни занимаются исследованием одной и той же темы. В Колумбийском университете ученые, как правило, интенсивно работают над одной темой лишь какой-то период времени, а затем переключаются на другой объект исследования.

Что касается четырех типов университетских преподавателей, о которых говорит Миллс, то это: генератор идей; «оптовик» (передает свои идеи другим профессорам, которые, в свою очередь, транслируют их студентам); «розничник» (только преподает) и «потребитель» (использует идеи других). Миллс называет еще три типа [44. С. 175], которые характерны для некоторых университетов (включая, конечно, Чикагский): «специализированный розничник», «мыслящий администратор» и «несостоявшийся производитель».

Миллс фокусирует свою критику на трех последних типах за их неспособность связать теорию и исследования, что порождает некую «книжную» культуру, лишенную эмпирических данных и базирующуюся только на теоретических изысканиях.

Конечно, достичь баланса между теорией и исследованиями всегда было нелегко, особенно в Испании в прежние времена, когда доступ к данным был весьма ограничен или полностью отсутствовал. Теперь дела обстоят иначе, однако немало университетских преподавателей слишком охотно усвоили рационализм Декарта (благодаря опыту, приобретенному в рамках схоластической традиции) и, по всей видимости, чувствуют себя неуютно в эмпиризме Юма или Бэкона.

Большинство социологов в любом университете и стране мира можно распределить (пусть даже лишь на какое-то время) по всем или почти всем типам, описанным Миллсом. Моя статья, безусловно, не преследует цели создать типологию испанских социологов — решению этой задачи посвящают немало усилий другие ученые, несмотря на относительно короткую биографию социологической дисциплины в Испании по сравнению с нашими европейскими соседями (немцами, французами и даже итальянцами) и, конечно же, с североамериканцами. Лично я по многим вопросам пытался балансировать между стилями Чикагского и Колумбийского университетов, возможно, по причине моего обучения в Мичиганском университете, который подвержен влиянию обеих традиций. Поэтому каждый раз я применяю различные теоретические схемы в зависимости от объекта исследования: я не только всегда был заинтересован в какой-то конкретной тематике, но, скорее, мои интересы менялись в различные периоды жизни.

Я полагаю, что при оценке той или иной социологической теории следует принимать во внимание следующие ее аспекты: во-первых, уровень обобщений, т.е. стремление быть теорией, чья ценность ограничена определенным временем и местом (например, современная испанская деревня или страна в ходе некоего революционного процесса). Теория может применяться к более протяженному промежутку времени или месту (например, страны Европейского Союза во время создания Еврорезоны), ко всем странам мира в любой период человеческой истории.

«Отцы-основатели» социологии стремились сформулировать универсальные вневременные социологические теории, но быстро осознали, что это невозможно, и решили разрабатывать менее амбициозные концепции с меньшим уровнем обобщений — для определенных обществ и сокращенных временных промежутков. Р. Мертон [43. С. 39—53] предложил термин «теории среднего уровня» для их обозначения. Следует признать, что большинство социологических теорий фактически являются теориями «среднего уровня» — характеризуются ограниченной сферой действия на определенное число стран и очень небольшие временные рамки.

Второй критерий оценки теорий — степень их абстракции, или конкретность, т.е. насколько понятия, используемые в теории, могут быть операционализированы. В теории высокой степени абстракции может утверждаться, что «развитие образования в обществе положительно коррелирует с уровнем его экономического развития». В теории большей степени конкретности скорее будет утверждаться, что «чем больше в обществе доля населения с законченным средним образованием, тем больше в нем будет подушевой доход».

На протяжении десятилетий в социологии шел спор между теми, кто считал, что любое понятие может быть измерено через механизм операционализации (см., напр. [40]), и теми, кто признавал необходимость определять понятия предельно точно (см., напр. [4]). Очевидно, что социология, как и все общественные дисциплины и науки вообще, должна уметь так трансформировать абстрактные понятия в конкретные, измеримые показатели, чтобы их можно было применить ко всему — от «температуры» до «счастья». В обоих случаях отсутствуют универсальные измерительные инструменты — соответственно, требуется консенсус ученых для измерения как температуры (с использованием разных шкал термометра) (2), так и счастья (применяя разные субъективные шкалы для различных аспектов, составляющих ощущение счастья) (3).

Третий критерий оценки теорий касается единиц анализа, которые могут быть двух типов — индивидуальными и коллективными. В первом случае единицами анализа являются сами индивиды, минимальный элемент социологического исследования. Во втором случае в качестве единиц анализа выступают различные типы коллективов (домохозяйства, племена, организации и т.п.) — это диапазон, благодаря которому социология четко отличается от политологии.

Социология, как правило, в качестве единиц анализа использует индивидов, политология — государства, страны и общества.

Впрочем, многие социологические исследования имеют дело с макропеременными (свойствами социальных групп, например, доходом на душу населения), поскольку современные методы статистического анализа, такие как регрессионные модели, позволяют работать как с микро-, так и с макропеременными [1]. В политологических исследованиях также все чаще индивиды выступают в качестве единиц анализа.

Социологические теории можно классифицировать и в соответствии со множеством других критериев, но я не ставил перед собой подобной задачи в настоя-

щей статье, в частности, потому что она уже во многом была решена другими авторами и мной ранее [9]. Так, Й. Галтунг [28. С. 458—465], социолог с длинной успешной карьерой, всегда стремившийся сочетать теорию и исследования, выдвинул десять критериев сравнения социологических теорий: 1) общность (количество гипотез, которые могут быть дедуцированы из теории); 2) диапазон и охват (число подтвержденных гипотез, которые ранее не были связаны между собой); 3) оценка гипотез (исходя из того, насколько широка область применения теории); 4) формализация (в какой степени структура теории эксплицитна); 5) аксиоматизация (насколько аксиомы не противоречат друг другу, независимы и полны); 6) взаимоотношения с другими теориями (в какой степени аксиомы выводимы из другой теории); 7) предсказуемость; 8) коммуникабельность; 9) репродуктивность (насколько гипотезы теории удовлетворяют последним трем требованиям); 10) плодотворность (дает ли теория убедительные ответы на значимые вопросы, т.е. в какой степени она способствует пониманию социальной реальности).

Думаю, здесь следует также упомянуть Э. Нагеля — одного из великих методологов науки вообще и социальных наук в частности, который выделял следующие элементы теории [27]: 1) абстрактное исчисление, которое составляет логический скелет системы объяснений и имплицитно определяет ее базовые понятия; 2) набор правил, которые наполняют абстрактное исчисление эмпирическим содержанием благодаря материалам наблюдений и экспериментов; 3) интерпретация или модель абстрактного исчисления, которая наполняет плотью скелетную структуру — в виде более или менее известных концептуальных или визуализируемых материалов.

В начале статьи я утверждал, что с самых первых шагов в социологии был убежден в том, что существуют «социологические теории», а не «социологическая теория» (аналогично существуют «социологические методы», а не «социологический метод»), поскольку социальная реальность слишком множественна и многообразна, чтобы ее можно было охватить какой бы то ни было единой социологической теорией. К счастью, многие социологи согласны иметь дело с многообразием социологических теорий, каждая из которых неполна, может быть пересмотрена или даже отвергнута по мере появления новых научных открытий (и учитывая субъективизм создателей и пользователей теорий). Примером может служить относительно недавняя статья Ф. Реквены, где он утверждает: «...социологию следует считать дисциплиной, которая может объяснять социальную реальность во всей ее сложности именно в силу наличия множества различных подходов. Социология — мультипарадигмальная наука, ее преимущество — именно в разнонаправленности» [46. С. 134]. Исходя из этой мультипарадигмальной трактовки, вслед за Дж. Ритцером Реквена предлагает модель социологической науки в виде системы координат. Ее четыре квадранта классифицируют социологические теории как макро-объективные и макро-субъективные, микро-объективные и микро-субъективные. Такая модель позволяет соотнести социологические теории друг с другом, как и предлагает Галтунг в своей системе десяти критериев того, какой должна быть социологическая теория.

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

На протяжении всей моей научной жизни я в основном использовал три концепции: теорию социальной экосистемы, выдвинутую А. Холи [30—32] и О. Дунканом [25; 26], теорию «центра-периферии», созданную Й. Галтунгом [27] и теорию изменения ценностей в индустриальных обществах, предложенную Р. Инглхартом [35; 36; 37]. Это не означает, что я не применял иные теоретические модели в отдельных частях научных исследований, но большинство из 200 моих публикаций, вышедших с 1960 г., основывались на одной из этих трех теоретических позиций. Я не только широко их использовал, но и внес свой вклад в соответствующие их теоретические и методологические разделы. А не так давно я пришел к выводу, что эти три теории вполне дополняют друг друга в объяснении одного конкретного вопроса — происхождения и распространения новых социальных ценностей. Я попытался обосновать и подтвердить эту позицию посредством эмпирического исследования и ниже представлю его результаты.

Определенным преимуществом здесь является то, что на протяжении десятилетий я знал и лично общался с тремя авторами этих теорий, двое из которых (Галтунг и Инглхарт) еще живы и вполне деятельны (Холи умер в 2009 г.). Это позволяло и продолжает позволять мне обсуждать с ними модификации их исходных теоретических моделей, а также находить таковыми новые подтверждения.

Теорией социальной экосистемы я заинтересовался с начала моей научной карьеры. Я собрал и опубликовал на испанском языке сочинения Холи. Некоторые из них не были ранее опубликованы — им я предпослал пролог, который Холи одобрил (4). Я не буду подробно останавливаться на содержании его теоретической модели — если ее суммировать, то она основана на пяти аксиомах: 1) взаимозависимость человеческих существ абсолютно необходима, ибо когда они приходят в этот мир, то не способны выжить поодиночке и нуждаются в других людях, чтобы получить необходимые ресурсы для выживания; 2) каждый должен иметь доступ к ресурсам в окружающем мире — прямо или косвенно (с помощью других человеческих существ); 3) каждый стремится сохранить и продлить свою жизнь; 4) ограничения адаптивной способности человека неопределенны (не ограничены, а именно неопределенны, поскольку ограничения одной конкретной ситуации могут быть преодолены в другой); 5) каждую социальную единицу следует рассматривать во временном контексте (любая человеческая деятельность осуществляется в конкретном времени и месте).

Вместе с этими пятью аксиомами, которые по определению неverifiedируемы, Холи выдвинул и другие положения: 1) любая функция (функциональная единица) системы стремится развиться до такой степени, когда сможет регулярно удовлетворять потребности своих комплементарных функций (функциональных единиц); 2) численность населения стремится к увеличению до той степени, когда объемы, отвечающие за каждую функцию, достаточны, чтобы поддерживать ее отношения с другими функциями (функциональными единицами); 3) каждая единица стремится занять такое положение на территории, которое позволяет ей осуществлять свои функции и поддерживать отношения с другими, осуществляющими комплементарные функции; 4) изменения в сбалансированной системе возможны только в силу внешних воздействий.

Таким образом, при сочетании пяти аксиом с четырьмя положениями, мы получаем в общей 34 вывода, или гипотезы, которые могут инициировать конкретные научные исследования для своей верификации [30. С. 79—85] (табл. 1).

Таблица 1

Теория и исследование: модель классического силлогизма – рационализм и эмпиризм

Тип суждения	До верификации	После верификации
Ключевая предпосылка	Аксиома Постулат Теория	Закон
Вспомогательная предпосылка	Предположение	Межуровневые законы
Заключение	Теорема Гипотеза	Эмпирическое обобщение

Вряд ли нужно подчеркивать, что представленная теоретическая модель воспроизводит классический силлогизм, где ключевые посылки суть аксиомы, вспомогательные — предположения, а заключения — выводы или гипотезы. Если в ходе верификации гипотеза не отвергается, мы получаем эмпирическое обобщение: предположения становятся межуровневыми законами, а аксиомы — теоремами или законами, при условии что гипотеза не отвергается и после повторных экспериментов с различными данными.

Из этой высокоструктурированной теоретической схемы возможны и другие следствия. Первое — исходной единицей анализа всегда будет население, а не индивид, поскольку выживание индивидов определяется отношениями взаимозависимости между ними. Эти взаимоотношения могут быть симбиотическими (благоприятными для образования корпоративных групп, основанных на разделении труда) или комменсалистскими (благоприятными для формирования категориальных групп). Следовательно, население здесь всегда структурировано и представляет собой совокупность корпоративных и категориальных групп, составляющих сообщества как минимальную единицу анализа.

Второе следствие из обозначенной теоретической модели: структурированное сообщество выживает, используя ресурсы, найденные в окружающем мире, как и любая другая популяция живых существ (растений или животных), но если другие популяции приспосабливаются к среде обитания механически или генетически, человеческие сообщества делают это через культуру.

В эвристических целях можно различить два аспекта культуры: материальный (технология — все, что человеческие существа создали, используя и сочетая различные ресурсы, найденные в среде обитания) и нематериальный (все виды организаций, основанные на социальных, семейных, политических, образовательных или оборонных аспектах и т.п., равно как и на идеологиях, верованиях и системах ценностей, т.е. всем том, что нельзя найти в природе или что является частью материальной культуры). Эти два набора характеристик — технологии и социальная организация — полезны и важны: человеческие существа не получают их генетически, от природы, а создают, чтобы лучше обеспечить свое выживание, приспосабливаясь к среде обитания (рис. 1).

Рис. 1. Модель социальной экосистемы

Четыре элемента экосистемы взаимосвязаны, так что любое изменение, происходящее в одном из них, влияет на остальные и также может вызвать в них изменения. Всякая экосистема стремится к равновесию (демографическому, пространственному/территориальному, функциональному), но никогда не достигает его. Следовательно, любое равновесие нестабильно: в каждом из элементов происходят изменения, вызывая таковые в трех других.

Однако социальные изменения, за исключением особых ситуаций, порождаются технологическими, особенно транспортными и коммуникационными технологиями, которые влияют на расширение окружающей среды (увеличивают границы, в пределах которых сообщество может добывать ресурсы, необходимые для выживания), и потому технологические изменения непосредственно влияют на другие элементы экосистемы, вызывая во всех трансформации. Данный процесс расширения характеризует всю историю человечества, наблюдался на всем ее протяжении — от самодостаточных и автаркических сообществ в доисторические времена, которые были немногочисленны и имели простую и неразвитую организацию, до крупного мирового сообщества, возникающего в настоящее время. Любое сообщество (большое или малое, простое или сложное) должно выполнять четыре основные функции, чтобы гарантировать выживание популяции: производство и распределение ресурсов, контроль за производством, его координация и распределение функций, набор новых членов.

Исходя из вышеозначенных критериев оценки любой социологической концепции, можно сказать, что теория социальной экосистемы очень амбициозна. Она отличается высоким уровнем обобщений, поскольку стремится объяснить

структуру, конфликты и изменения любого человеческого сообщества, на любой территории и в любой исторический период. Соответственно, и сформулирована она на очень высоком уровне абстракции, хотя и с помощью легко операционализуемых понятий — их вполне можно перевести в измеримые показатели. Ее единицы анализа, как уже отмечалось, — не индивиды, а популяции, поскольку приспособление и выживание являются коллективными задачами.

Конечно, индивиды существуют, но только как элементы групп и сообществ — от кочевых племен до сельскохозяйственных поселений, древнегреческого полиса, средневекового и современного города, мегаполиса, региона, национальных государств, международного или мирового сообщества. Сообщество здесь — наименьшая единица анализа, которая способна обеспечить приспособление и коллективное выживание. Тем не менее, оно изменяется с течением времени, по мере того как социальная организация и технологии становятся все более сложными.

Многочисленные исследования в различных странах брали за основу социальную экосистему — как систему координат — зачастую даже не признавая этого. Большая часть моих исследований базировалась на этой теоретической схеме и касалась демографических процессов и групп (рождаемости, нравственности, половозрастных структур, миграции), проблем окружающей среды, социальных функций технологий, типов социальной организации (семейная, экономическая, политическая, религиозная и т.п.), а также идеологий, мнений и систем ценностей (5).

В рамках широкого спектра исследований, проведенных на базе теории социальной экосистемы, особенно затрагивавших пространственные вопросы, я продемонстрировал, что данная теория включает в себя и объясняет несколько эмпирических обобщений, которые прежде считались независимыми друг от друга и не содержащими толковательный компонент: это теория «центральных мест» В. Кристаллера [5] — о распределении человеческих поселений по территории; правило «ранг-размер» Дж. Ципфа [50]; теория «иерархии городов», предложенная среди прочих Б. Берри [3] и М. Бекманом [2]; модель функциональной специализации человеческих сообществ, разработанная в том числе Э. Гувером [33], В. Изардом [38] и О. Дунканом [26]. Данные, неоднократно полученные и верифицированные в рамках многочисленных исследований и публикаций, можно объяснить с помощью теорий функциональной специализации и экологического доминирования, что придает им смысл и показывает их теоретические взаимосвязи и взаимоотношения, т.е. фактически речь идет о теории социальной экосистемы [11].

ТЕОРИЯ «ЦЕНТРА-ПЕРИФЕРИИ»

Вторая социологическая теория, к которой я много раз обращался, чтобы объяснить источники распространения социальных позиций и ценностей, а также их различия в разных сегментах общества, — теория «центра-периферии» и индекса социальных установок, разработанная Й. Галтунгом [27] в начале 1960-х гг. Я должен признаться, что когда я услышал эту теорию от самого Галтунга на семинаре

в Амстердаме в 1966 г., я не подумал о ее возможной связи с теорией социальной экосистемы, о которой я узнал в 1962 г. Лишь спустя много лет я осознал, насколько они дополняют друг друга.

Теория «центра-периферии» основана на следующих соображениях: 1) в любом обществе есть социальные позиции, которые поощряются больше, чем другие (например, высокий образовательный уровень поощряется обществом больше, чем низкий); 2) соответственно, в любом обществе «социальный центр» скорее будет относиться к поощряемым позициям, тогда как «социальная периферия» скорее связана с набором менее поощряемых (или даже отвергаемых) социальных позиций; более того, следует допустить, что в «социальном центре» всегда имеется центральное «ядро принятия решений», которое включает в себя гораздо более высоко поощряемые социальные позиции, а также «экстремальная периферия», состоящая из куда менее социально поощряемых или даже резко отвергаемых позиций.

В итоге мы получаем «концентрическую» теорию общества: в центре находится «ядро принятия решений», «экстремальная периферия» располагается на внешнем пространстве круга (рис. 2).

Рис. 2. Модель «центр-периферия»

На основе всего перечисленного можно выдвинуть следующие первоначальные предположения: 1) «центр» отличается высокой степенью социального участия посредством вторичных (ассоциаций) и третичных коммуникаций (средств массовой информации), в то время как «периферия» характеризуется низкой степенью социального участия, материализуемой в ходе первичных коммуникаций (разговоров); 2) «центр» обладает высоким уровнем знаний, в частности, руководящих

установок, а «периферия» — низким уровнем знаний, т.е. не владеет никаким знанием руководящих установок; 3) «центр» отличается высоким уровнем мнений, в частности, по руководящим позициям, а «периферия» имеет низкий уровень мнений и не по руководящим позициям. Поскольку «центр» имеет больший объем знаний и мнений, равно как и больший доступ к массмедиа, коммуникации обычно идут из «центра» к «периферии». В этом коммуникационном процессе новые социальные установки и ценности возникают в «центре», но даже если они оформились на «периферии», то не смогут распространиться по всей социальной системе, пока не будут усвоены группой, находящейся в «центре» — по определению только у него есть доступ к СМИ (6).

Типичная последовательность процессов, видимо, такова: 1) идеи возникают в «центре», он передает их на «периферию»; 2) «центр» обсуждает новые идеи и их альтернативы — «периферия» остается безразличной и безучастной; 3) «центр» внедряет новые идеи, возможно даже посредством новых социальных структур, и «периферия» чувствует их воздействие; 4) «центр» начинает искать новые идеи, в то время как «периферия» только начинает перенимать те, что уже одобрены и даже институционализированы; 5) «центр» предлагает новые идеи и решения, но «периферия», которая только что приняла предыдущие, защищает их как «статус-кво»; 6) описанный процесс возобновляется с начала (7).

Однако Галтунг предусмотрел и альтернативную версию развития событий: поскольку «периферия» характеризуется незначительным социальным участием и небольшим объемом знаний и мнений, у нее часто имеются глубоко укорененные нравственные принципы идеологического характера и религиозные верования, определяющие страстную защиту «статус-кво» или предлагаемого нового порядка. Таким образом, модель «центра-периферии» позволяет сформулировать целый набор гипотез, основанных на первоначальных постулатах и предположениях, и эти гипотезы можно верифицировать в рамках научного исследования. Их можно суммировать следующим образом: 1) «центр» отличается высокой степенью социального участия, «периферию» — низкой; 2) «центр» обладает высоким уровнем знаний, «периферия» — низким; 3) у «центра» много мнений, у «периферии» — мало; 4) «центр» — инициатор и отправитель коммуникации/информации, «периферия» — получатель и подражатель; 5) предпочтения «центра» основаны на дифференцированной оценке, на нюансах, для «периферии» существует только черное и белое, хорошее и плохое; 6) последовательность позиций и типов поведения во времени (временное постоянство позиций) устойчива в «центре», но не на «периферии»; 7) «центр» усваивает новые позиции прежде, чем они институционализируются, «периферия» — только после институционализации; 8) позиция «центра» по отношению к изменениям градуальная (частичные, медленные, постепенные), «периферии» — абсолютистская (всеобщие, быстрые, непосредственные); 9) стиль мышления «центра» — индуктивный, прагматичный, ориентированный на средства, «периферии» — дедуктивный, ориентированный на цели; 10) существующий общественный строй «центр» частично принимает или не принимает, «периферию» характеризует полное приятие или полное неприятие, она консервативна в отношении статус-кво или, наоборот, революционна; 11) по содержанию решений и реакции лиц, их принимающих, «центр» демонстрирует склонность

к дискуссии, низкую степень плюралистического невежества, «периферия» — ориентацию на протест или апатию с высокой степенью плюралистического невежества; 12) по форме реакция «центра» проявляется посредством существующих организаций и сетей коммуникаций, «периферии» — через ситуативные демонстрации или никак не выражается.

Представляется очевидным, что теория «центра-периферии» также тяготеет к высокому уровню обобщений, поскольку претендует на применение к анализу общества как в прошлом, так и настоящем и будущем. Высокий уровень абстракции здесь тоже присутствует, но фундаментальные понятия модели — «центр» и «периферия» — хорошо операционализируются через индекс социальных позиций (суммирует в едином измерительном инструменте восемь социально-экономических характеристик, обычно применяемых, чтобы объяснить установки и поведение индивидов) (8).

Что касается единиц анализа, то теория «центра-периферии» легко использует в качестве таковых как «страны», так и «индивидов»: хотя индекс социальных позиций применяется только к индивидам, нетрудно, особенно сегодня, построить его и для «стран».

Данная теория и ее основные гипотезы были неоднократно верифицированы не только в Испании, но и во многих других странах. С 1966 г. по настоящее время я использовал эту теорию во многих научных исследованиях, включил индекс социальных позиций во все мои проекты — как национальные, так и международные, включая 248 ежемесячных обзоров на основе общенациональных выборок испанского населения начиная с 1986 г.

Кроме того, я видоизменил [16] индекс социальных позиций таким образом, что никакая из составляющих его переменных, не дихотомизируется (конечно, кроме пола), придавав больше веса «роду занятий» и «активности», чем «полу» и «возрасту». Это означает, что шкала, вместо того чтобы колебаться в пределах от «0» до «8», колеблется от «0» до «27», благодаря чему мы получаем больший разброс мнение и большие объяснительно-предсказательные возможности.

Я также использовал [2007. С.47—70] этот индекс в международных сравнительных исследованиях и разработал модификацию теории «центра-периферии», сравнивая элиты («социальный центр») и не-элиты («социальную периферию») в развитых (европейских) и менее развитых странах (на Ближнем Востоке и в Северной Африке), задавшись целью показать, что системы ценностей элит в обществах обоего типа очень похожи, а различия между элитами и не-элитами более значительны в менее развитых странах, так что наибольшие различия в странах обоего типа обнаружались между не-элитами.

ТЕОРИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Третья социологическая концепция, которую я широко использовал в моих исследованиях после 1990 г., — теория, разработанная Р. Инглхартом («Молчаливая революция в Европе»), чтобы объяснить изменение ценностей в индустриальных обществах, и представленная в 1971 г.

Когда я впервые узнал о ней, я не предвидел ее возможной связи с теорией социальной экосистемы или теорией «центра-периферии».

Согласно Инглхарту, на протяжении почти всей человеческой истории большинство сообществ жило в ситуации, когда большая часть их членов не обладала ни экономической, ни личной безопасностью, поэтому преобладающими ценностями были материалистические (они соответствовали ситуации нужды), ценности выживания и традиционные ценности (локальное сообщество, семья и религия во многом контролировали и определяли жизнь индивидов). После Второй мировой войны ситуация радикально изменилась, особенно в развитых индустриальных обществах, благодаря миру, гарантированному балансом «холодной войны», который лишь временами нарушался локальными войнами, как, например, в Корее или Вьетнаме, а также благодаря тому, что правительствам развитых стран удалось обеспечить безопасность своих гражданам с помощью компетентных и хорошо экипированных вооруженных сил. Но выросла не только личная, но и экономическая безопасность — благодаря экономическому росту в 1960—1970-х гг. и постоянному расширению социальной сферы. Вследствие улучшения личной и экономической безопасности изменилась и система ценностей, что можно измерить с помощью двух осевых линий, или измерений (рис. 3). С одной стороны, очевиден переход от ценностей выживания и материализма к постматериалистическим ценностям самовыражения; с другой стороны, традиционные ценности трансформировались в секулярные, рациональные и правовые (используя терминологию М. Вебера).

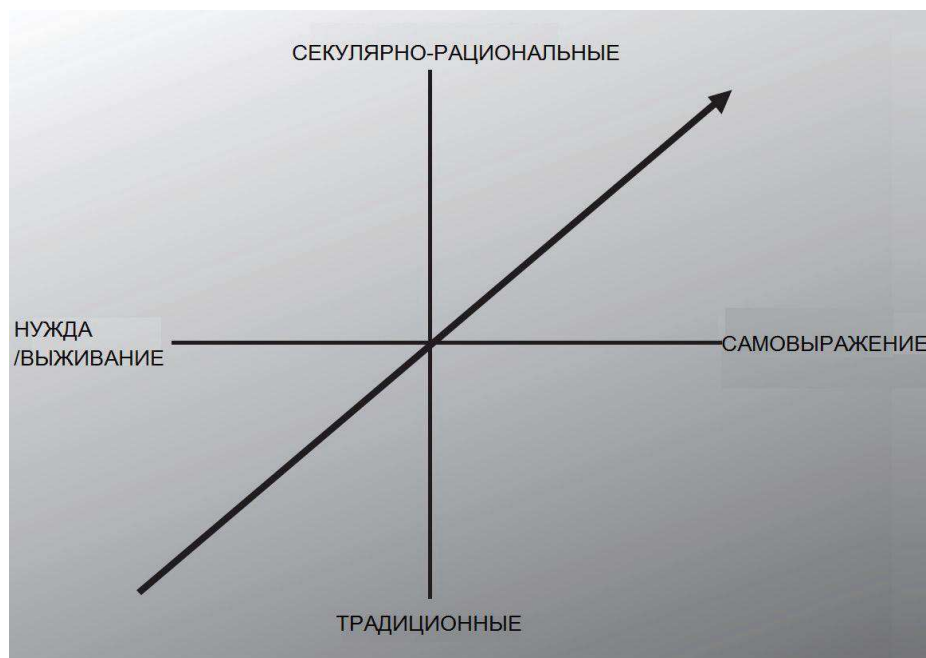

Рис. 3. Два измерения изменения ценностей

Помимо гипотезы об изменении системы ценностей, по мере того, как общество достигает более высокого уровня экономической и личной безопасности, данная теория содержит и другие глобальные гипотезы, в частности, так называемые «гипотезу нужды» и «гипотезу социализации».

Согласно первой, по мере того как общество и индивиды достигают более высокого уровня экономической и личной безопасности, увеличивается доля населения, которая отдает приоритет постматериалистическим ценностям самовыражения, а не материалистическим ценностям нужды и выживания.

«Гипотеза социализации» утверждает, что значительная часть ценностей приобретается во время отрочества и юности, и поскольку поколения, рожденные после Второй мировой войны, прошли социализацию в атмосфере экономической и личной безопасности (благодаря «социальному государству»), то следует ожидать, что именно эти молодые поколения отдадут предпочтение постматериалистическим ценностям самовыражения.

Таким образом, согласно данным двум гипотезам, значение новых постматериалистических ценностей возрастает прямо пропорционально показателям экономического достатка и обратно пропорционально возрасту. Иными словами, по мере того, как страны и индивиды улучшают свое экономическое положение, доля населения, которая придерживается постматериалистических ценностей, увеличивается, и чем моложе индивиды (при неизменности всех прочих факторов), тем больше среди них доля тех, кто предпочитает постматериалистические ценности, и меньше доля тех, кто отдает приоритет материалистическим ценностям (рис. 4).

Рис. 4. Процессы модернизации и постмодернизации

Процессы индустриализации и модернизации приводят к тому, что общество более не основывается на традиционных авторитетах (семьи, школы, религии, работы, общины — взаимно усиливающих друг друга), стационарной экономике (почти самодостаточной и автаркической) и религиозных и общинных ценностях — их заменяют рационально-правовые авторитеты, постоянно развивающаяся экономика и ценности «вознаграждаемых усилий».

Современное индустриальное общество обеспечило личную и экономическую безопасность прежде невиданных размеров, что запустило процесс постмодернизации, характеризующийся все большей утратой значения авторитетов во всех сферах общественной жизни по мере возрастания роли постматериалистических ценностей самовыражения и раскрепощения (право выбирать потребительские товары и политических представителей, участвовать в принятии решений во всех делах, которые нас касаются — в нашем районе, школе, на работе и т.п., право на развод, право решать, сколько и когда иметь детей, на аборт, на выбор сексуальной ориентации, смену пола, эвтаназию и т.д.), возрастания индивидуального благосостояния и в целом расширения спектра свобод индивида, который становится центром всего. Постсовременное постиндустриальное общество — преобладающая модель для большинства развитых стран: перечисленные характеристики в большей или меньшей степени преобладают в их системах ценностей.

Основываясь на этих характеристиках, можно утверждать, что теория изменения ценностей в индустриальных обществах демонстрирует высокий уровень обобщений в смысле пространства, но не времени, поскольку объясняет трансформацию системы ценностей только в современных обществах (до Второй мировой войны все общества в большей или меньшей степени оставались традиционными).

По мнению Инглхарта, все современные общества можно расположить на двух указанных осевых линиях — от «ценностей нужды» к «ценностям самовыражения» и от традиционных ценностей к секулярно-рационально-правовым. Наиболее развитые страны на обеих осях — североевропейские, за ними следует протестантская Европа, далее католическая Европа, англо-говорящие страны, бывшие коммунистические европейские и Латинская Америка. Замыкают эту последовательность мусульманские страны и «черная» Африка.

Согласно теории Инглхарта, возобладает тенденция доминирования постматериалистических и секулярно-рациональных ценностей, хотя возможны и множественные отклонения от нее. Например, англо-говорящие страны (за исключением Соединенного Королевства) продвинулись гораздо дальше в сторону постматериалистических ценностей, чем в направлении секулярно-рациональных (что объясняет важную роль традиционного религиозного фактора в этих странах), в то время как бывшие коммунистические страны продвинулись скорее к секулярным ценностям, чем к постматериалистическим (они ближе к «ценностям нужды», даже возвращаются к ним в силу низкого экономического развития).

В любом случае теория Инглхарта стремится стать универсальной и охватить все страны, но в исторической перспективе ограничивается периодом после Второй мировой войны. Уровень абстракции у нее также высок, ее понятия, относящиеся к системам ценностей, операционализируются посредством «постматериа-

листической» шкалы из 12 пунктов [15]. Почти все аналитики сходятся в том, что измерение «традиционные — секулярные ценности» по качеству иное, чем измерение «материалистические — постматериалистические ценности», но хотя были предложены другие шкалы, основанные на иных делениях, но по ним не удалось достичь такого же уровня консенсуса.

Инглхарт, как и многие другие исследователи, использовал страны как единицы анализа, хотя в значительном числе исследований в данном качестве выступают индивиды. Фактически и микро- (индивиды), и макро-переменные (страны и даже группы стран) часто используются как переменные в сложном статистическом анализе.

Во многих моих исследованиях [14; 18] мне удалось подтвердить большинство первоначальных гипотез теории Инглхарта, особенно те, что относятся к «нужде» и «социализации». Я полагаю, что я был первым [20], кто представил эмпирические данные, подтверждающие тенденцию роста постматериализма в мире. Я показал, что в наиболее развитых странах с 2000 г. наблюдаются изменения, свидетельствующие об очевидной регрессии к материалистическим ценностям, что является следствием роста личной и экономической незащищенности, отягченного финансово-экономическим кризисом, который начался в 2007 г. и продолжается до сих пор.

ТРИ ТЕОРИИ В ПОИСКАХ МОДЕЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ

Как я уже сказал выше, каждая из рассматриваемых трех теорий заинтересовала меня, как только я узнал о них. Но лишь когда я начал эмпирические исследования изменения ценностей в современных обществах, я осознал, что они взаимодополняют друг друга. Я считаю, что теория социальной экосистемы объясняет, как ценности возникают, будучи частью нематериальной культуры, вместе с формами социальной организации: система ценностей не зарождается в генах или в природе.

Хотя некоторые авторы утверждают, что ценности происходят из некоего «естественного закона», такое объяснение оказывается довольно неправдоподобным, когда обнаруживается, что различные культуры в различные времена реагируют на одни и те же ситуации совершенно по-разному. Напротив, более правдоподобно объяснение, согласно которому системы ценностей — это «инструментальные» ответы, которые человеческая популяция «выдает» в каждый конкретный момент времени. Так что ценности не «теряются» и не «находятся», а возникают из интеракции популяции с ее средой обитания как инструменты, позволяющие приспособиться к ней наилучшим образом и обеспечить себе наибольшие шансы на выживание.

Именно этого не объясняет теория Инглхарта, поскольку принимает как данность то, что ценности возникают и меняются, и не объясняет их инструментальный характер. Теория изменений не позволяет, во-первых, показать важность конкретных ценностей в процессе приспособления к окружающей среде и то, как они меняются с изменением конкретных ситуаций (например, важность ценностей «авторитета» и «вознагражденных усилий» в процессе модернизации, что обеспечи-

вали высокий уровень личной и экономической безопасности, или же важность индивидов, их прав и свобод в процессах постмодернизации и соответствующую утрату значения авторитетами, что вело к утрате безопасности). Теория «центра-периферии» Галтунга дает вполне внятное объяснение тому, как новые социальные и культурные ценности возникают и распространяются в обществе — от центра к периферии (от центральных стран к периферийным, от центральных социальных групп — к периферийным).

Первая работа [16], в которой я попытался использовать три теории вместе, касалась как раз установок по отношению к среде обитания: один из ключевых примеров теории изменения ценностей — то, что в процессе модернизации все большее значение придавалось идее экономического развития, в то время как в постмодернизации — сохранению и защите окружающей среды (качество жизни ценилось более, чем ее продолжительность).

С тех пор я часто пытался объединить три теоретические установки в моих аналитических исследованиях, вновь и вновь убеждаясь в том, насколько они дополняют друг друга, особенно в случае Галтунга и Инглхарта, так как оба обеспечили операционализацию своих основных понятий (в индексе социальных позиций и постматериалистической шкале).

Таким образом, я пытался верифицировать различные гипотезы в своих исследованиях, сравнивая страны с разным уровнем экономического, политического, социального и культурного развития или же сопоставляя поколения.

Только недавно я осознал, что три теории объединяет то, что они предлагают взаимодополняющие объяснения формирования ценностей — безопасность. Несколько лет назад я попытался показать [12], используя теорию экосистемы, что ускорение изменений каждого из четырех ее элементов (роста мирового населения, интенсивного использования ресурсов, развития технологий и более быстрого, чем наблюдалось на протяжении столетий, преобразования социальной организации и систем ценностей) может привести к ухудшению качества жизни, росту социального неравенства и социальных противоречий между странами и внутри них и, соответственно, опасности предпочтения авторитарных политических решений в целях противостояния все возрастающим уровням конфликтов.

Очевидно, что описанная ситуация предполагает рост уровня незащищенности в обозримом будущем. Кроме того, данные Всемирного исследования ценностей — эмпирической базы теории изменения ценностей — показывают, что начиная с 2000 г. (и это подтверждается «волнами» 2005 и 2010 г.) все возрастающее значение приписывается авторитету и снижается роль постматериалистических ценностей — это следствие роста незащищенности, который измеряется посредством не только субъективных индикаторов, но и объективных показателей. Кроме того, оказалось, что усиление спроса на авторитеты и ослабление постматериалистических ценностей происходило раньше и более интенсивно в «социальном центре», а не на «социальной периферии», как и следовало ожидать, согласно теории Галтунга. На сегодняшний день я могу сказать [21; 22]: все данные показывают, что теории Галтунга и Инглхарта взаимно дополняют друг друга, и это верно не только для Испании, но и для большинства развитых стран.

Следует отметить и другой факт. Теория социальной экосистемы была призвана объяснить, что формы социальной организации меняются со временем и нет нужды доказывать, что они менялись на всем протяжении человеческой истории, особенно в политической и экономической сферах. В настоящее время мы переживаем аналогичные великие изменения, но в ускоренном формате — в силу все возрастающей экспансии глобализации.

Глобализация — не новый процесс. Она началась еще на заре человечества, в доисторические времена автаркических и самодостаточных сообществ. Она затрагивала деревни, страны, древнегреческие города-государства, города-крепости феодальных королевств, национальные государства, международные организации, такие как Европейский Союз, и, вероятно, затронет всемирное государство будущего. Как бы там ни было, у нас нет хрустального шара, чтобы предсказать, каким будет будущее, но мы можем изучать тенденции.

Очевидно, что сегодня две международные модели системной организации, которые, судя по всему, являются реальностью для одних стран и идеалом для других, находятся в кризисе. Не будет преувеличением сказать, что экономическая модель свободного рынка и политическая модель парламентской демократии переживают кризис. Мы не знаем, какие модели их заменят, но становится все более понятно, что их эффективность как инструментов адаптации почти исчерпана. Технологические трансформации, как и прежние изменения транспортных и информационных технологий и коммуникаций, по всей вероятности, станут «проводниками» изменений экосистемы, разрушая ее нынешнее зыбкое равновесие и ведя нас к новому равновесию, которое мы, конечно же, не можем предвидеть. Люди, которые жили в эпоху Ренессанса, не знали, что живут в эпоху Ренессанса, и мы не можем предположить, во что выльется все происходящее сегодня, но имеются все признаки того, что этим двум моделям, которые оставались в силе на протяжении примерно двух столетий, приходит конец [23].

В любом случае рассмотренные три теоретические модели могут дать некоторые ответы на вопросы, поставленные нашей эпохой. Очевидно, что ни в какой иной период человеческой истории изменения не происходили с такой скоростью, как сейчас. Это изменения в элементах социальной экосистемы и материальной культуры, которые во все возрастающей степени влияют на нематериальную культуру — типы социальной организации и системы ценностей, изменения, которые сначала обнаруживаются в меньшинствах «социального центра», что, в частности, отражается в росте личной и экономической незащищенности, ощущаемой сообществами периферии. Как я уже неоднократно заявлял, если XX столетие характеризовалось конфронтацией между ценностями равенства и свободы, то в XXI в. ее сменит противостояние ценностей свободы и безопасности, которое в конечном счете, сводится к поискам ответа на вопрос: «В какой степени мы готовы отказаться от нашей свободы, чтобы обеспечить себе необходимую степень безопасности?».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Я использую понятия «реконструированной логики» и «реально используемой логики» по аналогии с тем, как А. Каплан использовал понятия «реконструированной социологии»

- и «реально используемой социологии»: первая — та, о которой говорится, что она использовалась; вторая — та, которой действительно следовал ученый [С. 20].
- (2) Богатый ассортимент «термометров» для измерения температуры представлен на сайте: <http://www.sabelotodo.org/termicos/medirtemperatura.html>.
 - (3) В Интернете можно найти более миллиона ссылок, если в поисковике набрать «шкалы для измерения счастья».
 - (4) Мой пролог был раскритикован в рецензии как якобы отражающий «функционально-структурный» подход. Однако автор рецензии, по всей видимости, прочитал лишь заголовок, в котором использовалось слово «структура», и сделал вывод, что мой текст — структуралистский. Автор рецензии явно не читал книгу, в которой показано, что рассматриваемая теория эксплицитно включает в себя конфликт и изменение как свои неотъемлемые составляющие и признает, что баланс системы всегда неустойчив. Эта анекдотическая ситуация прекрасно характеризует университетскую атмосферу 1960-х гг., когда научное противостояние между структурным функционализмом и теорией конфликта переросло в идеологическую и политическую конфронтацию, основанную в большей степени на навешивании ярлыков, чем на научных аргументах.
 - (5) Все мои публикации можно прочитать и скачать в формате PDF на сайте www.jdsurvey.net/jds/jdsurveyContents.jsp?Idioma=E&SeccionTexto=010401, и я не вижу необходимости их здесь дублировать.
 - (6) «Социальный центр» и «социальная периферия» внутренне гомогенны в той степени, в какой охватывают больше или меньше социально одобряемых позиций, но идеологически гетерогенны в обоих случаях. Как в «центре», так и на «периферии» живут приверженцы левой, правой и центристской идеологии.
 - (7) Этот процесс напоминает тот, что Г. Зиммель описывал в связи с модой: меньшинство пытается выделиться из большинства, в то время как большинство стремится подражать меньшинству.
 - (8) Й. Галтунг строит этот индекс, добавляя значения «1» или «0» для восьми дихотомических характеристик — пол, возраст, уровень образования, уровень дохода, род занятий, экономическая активность, экологическое и географическое положение. Каждый индивид получает значения индекса между «0» и «8» — так мы, соответственно, видим «экстремальную периферию» и «ядро принятия решений» со срединными позициями, приближающимися к «периферии» или к «центру».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Alexander J.C. et al.* The Micro-Macro Link. Berkeley: The University of California Press, 1987.
- [2] *Beckmann M.J.* City hierarchies and the distribution of city size // *Economic Development and Cultural Change*. 1958. № 6. P. 243—248.
- [3] *Berry B.J.L.* City size distributions and economic development // *Economic Development and Cultural Change*. 1961. № 9. P. 573—588.
- [4] *Blumer H.* Science without concepts // *American Journal of Sociology*. 1930. № 36. P. 515—533.
- [5] *Christaller W.* Die Zentralen Orte in Süddeutschland. Jena: Gustav Fisher Verlag, 1933.
- [6] *Cohen M.R.* Razón y Naturaleza. Buenos Aires: Paidós, 1965.
- [7] *Diez Nicolás J.* Prólogo // A.H. Hawley. La estructura de los sistemas sociales. Madrid: Tecnos, 1950.
- [8] *Diez Nicolás J.* Posición social y opinión pública // *Anales de Sociología*. 1966. № 2. P. 64—75.
- [9] *Diez Nicolás J.* Sociología: entre el funcionalismo y la dialéctica. Madrid: Guadiana, 1969.
- [10] *Diez Nicolás J.* El científico y el intelectual en la sociedad industrial // *Revista de Estudios Sociales*. 1971. № 3. P. 3—18.

- [11] *Díez Nicolás J.* Especialización funcional y dominación de la España urbana. Madrid: Fundación Juan, March-Guadarrama, 1972.
- [12] *Díez Nicolás J.* La España previsible // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. 1980. № 12. P. 59—86.
- [13] *Díez Nicolás J.* Ecología humana y ecosistema social // VV AA, *Sociología y medio ambiente*. Madrid: MOPU-CEOTMA, 1982.
- [14] *Díez Nicolás J.* Postmaterialismo y desarrollo económico en España // J. Díez Nicolás, R. Inglehart (comps.) *Tendencias mundiales de cambio en los valores sociales y políticos*. Madrid: Fundesco, 1994.
- [15] *Díez Nicolás J.* La escala de post-materialismo como medida del cambio de valores en las sociedades contemporáneas // F. Andrés Orizo, J. Elzo. *España 2000: entre el localismo y la globalidad*. Madrid: SM, 2000.
- [16] *Díez Nicolás J.* El dilema de la supervivencia: los españoles ante el medio ambiente. Madrid: Obra Social de Caja Madrid, 2004.
- [17] *Díez Nicolás J.* Value systems of elites and publics in the Mediterranean: convergence or divergence // Mansoor Moaddel (ed.) *Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- [18] *Díez Nicolás J.* Values and generations in Spain // Th. Petterson, Y. Esmer. *Changing Values, Persisting Cultures*. Leiden-Boston: Brill, 2008.
- [19] *Díez Nicolás J.* Some theoretical and methodology applications of center-periphery theory and the social position index // K. van der Veer et al. (eds.) *Multidimensional Social Science*. Amsterdam: Rozenberg, 2009.
- [20] *Díez Nicolás J.* ¿Regreso a los valores materialistas? El dilema entre seguridad y libertad en los países desarrollados // *Revista Española de Sociología*. 2011. № 15. P. 9—46.
- [21] *Díez Nicolás J.* La seguridad subjetiva en España: construcción de un índice sintético de seguridad subjetiva (ISSS). Madrid: Ministerio de Defensa, 2011.
- [22] *Díez Nicolás J.* Measuring the Concept of Security in a Comparative Perspective. Paper presented at The World Values Survey Association General Assembly. Doha, 2013.
- [23] *Díez Nicolás J.* Crisis económica, crisis financiera o crisis del sistema social global // *Revista Española de Sociología*. 2013. № 19. P. 153—168.
- [24] *Duncan O.D.* Social organization and the ecosystem // R.E.L. Faris (ed.) *Handbook of Modern Sociology*. Chicago: Rand McNally, 1964.
- [25] *Duncan O.D., Schnore L.O.* Cultural, behavioral and ecological perspectives in the study of social organization // *The American Journal of Sociology*. 1959. № LXV. P. 132—153.
- [26] *Duncan O.D. et al.* *Metropolis and Region*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1960.
- [27] *Galtung J.* Foreign policy opinion as a function of social position // *Journal of Peace Research*. 1964. № 34. P. 206—231.
- [28] *Galtung J.* *Teorías y métodos de la investigación social*. Buenos Aires: Editorial Universitaria, 1966.
- [29] *Galtung J.* Social position and the image of the future // H. Ornauer et al. (eds.) *Images of the World in the Year 2000*. Paris: Mouton, 1976.
- [30] *Hawley A.H.* *Human Ecology*. New York: Ronald Press, 1950.
- [31] *Hawley A.H.* *La estructura de los sistemas sociales*. Madrid: Tecnos, 1968.
- [32] *Hawley A.H.* *Human Ecology: A Theoretical Essay*. Chicago: The University of Chicago Press, 1986.
- [33] *Hoover E.M.* *The Location of Economic Activity*. New York: McGraw Hill, 1948.
- [34] *Inglehart R.* The silent revolution in Europe // *The American Political Science Review*. 1971. № 65. P. 991—1017.
- [35] *Inglehart R.* *The Silent Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 1977.
- [36] *Inglehart R.* *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press, 1990.

- [37] *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- [38] *Isard W.* Location and Space Economy. New York: John Wiley and Sons-MIT, 1956.
- [39] *Kaplan A.* The Conduct of Inquiry. San Francisco: Chandler Publishing Company, 1964.
- [40] *Lundberg G.A.* Operational definitions in the social sciences // *American Journal of Sociology*. 1942. № 47. P. 727—739.
- [41] *McClelland D.C.* La sociedad ambiciosa. Madrid: Guadarrama, 1968.
- [42] *Merton R.K.* Sociological theory // *The American Journal of Sociology*. 1945. № I. P. 462—473.
- [43] *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1957.
- [44] *Mills C.W.* Tipos de hombres académicos: la educación estilo Chicago // *De hombres sociales y movimientos políticos*. México: Siglo XXI, 1969.
- [45] *Nagel E.* The Structure of Science. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.
- [46] *Requena Santos F.* Hacia una perspectiva reticular de la teoría sociológica // *Papers*. 2000. № 62. P. 133—145.
- [47] *Ritzer G.* Toward an integrated sociological paradigm // W. Snizek et al. (eds.) *Contemporary Issues in Theory and Research*. Wesport (Cn): Greenwood Press, 1979.
- [48] *Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. Boston: Cambridge University Press, 1962.
- [49] *Simmel G.* Filosofía de la moda // *Revista de Occidente*. 1923. № 1—2. P. 42—66.
- [50] *Zipf G.K.* National Unity and Disunity: The Nation as a Bio-social Organization. Bloomington: The Principia Press, 1941.

SOCIOLOGICAL THEORY AND SOCIAL REALITY

J. Díez Nicolás

Department of Sociology II (Human Ecology and Population)
School of Political Sciences and Sociology
Complutense University of Madrid
Campus de Somosaguas, Pozuelo de Alarcon, Madrid, Spain, 28223

This paper pretends to demonstrate the complementary relations between three relatively recent sociological theories, each one of which explains a different aspect of the same social object: the origin, diffusion and change of social and cultural values, aiming at demonstrating that there is not such a thing as a sociological theory that explains all, but rather diverse theories that offer partial explanations of social reality. To that effect, and on the basis of the necessary relationship between theory and research, three different theories are evaluated separately: Hawley's and Duncan's theory of the social ecosystem, Galtung's centre-periphery theory, and Inglehart's theory of values' change in modern-industrial societies, offering theoretical and empirical evidence of their complementary relations, based on Spanish and international data. Social ecosystem and centre-periphery theories show a high level of generalization (through space and time) and a high level of abstraction, though both can easily operationalize their main concepts through valid and reliable indicators. The theory of values' change, however, though showing a high level of generalization, is limited in time to the historical period after World War II, and also shows a high level of abstraction. Centre-periphery theory and values' change theory use individual and collective units of analysis, but social ecosystem theory only uses collective units, by definition. The three theories lead to the conclusion that 'security' values will gain a growing importance in present societies.

Key words: research methodology; social ecosystem; center and periphery; social values; cultural values; security; social structure; social change.